

**Особая благодарность —
фирме
"ХАРРИСОНС-ТРАНС-СЕРВИС"**

Выражаем признательность за помощь:
фирме "ФАГОТ",
фирме "АРХО",
агентству недвижимости "КАПИТАЛ",
а также Михаилу Пойзнеру.

Михаилу Жванецкому — 70

Я забираю крик обратно

В моей записной книжке еще 66 года ноября "Я не хочу быть стариком!!!", "Я не хочу быть стариком!!!", "Я не хочу быть стариком!!!" три восклица... Сегодня июль 2003. И что с того, что не хотел?

Услышал бы меня Господь?.. Он точно слышал. Он просто понял, от какого идиота. Представляю! Я бы не сел в автомобиль, я б сына не увидел, не посадил за стол сто человек. Я бы море не увидел из своего окна. Я бы прохладу летом не включил, не знал компьютера и не узнал свободы. И не увидел проводы трех пареньков в Москве. То главное, что видел в жизни.

Этот снимок одесский журналист и краевед Сид Гольцман сделал в 1963 году. Тогда великий Аркадий Райкин впервые встречался в Одессе с молодыми артистами театра "Парнас". А вскоре Михаил Жванецкий стал писать сценки и монологи для Аркадия Иосифовича, а Роман Карцев и Виктор Ильченко вошли в его прославленную труппу. Снимок сделан на сцене Одесского русского драматического театра.

Я не прочел бы Оруэлла, Ницше, Пруста. Себя бы не прочел. Что делать?

За продолжение жизни мы платим старостью. За старость платим смертью. За право поведать, как взрослым станет сын, услышать, что он скажет, я должен был болеть, лечиться, кашлять. Но я обязан был увидеть другую жизнь. Отели, яхты, переполненные магазины, автомобили, лезущие друг на друга, японский рыбный рынок, греческие острова, Карнеги-Холл — как бы увидел, если бы не постарел? Я много дал. Я дорого купил. Я заплатил годами, силой, остроумием, успехом, женщинами, красотой ранней смерти, столь любимой у нас в стране, — остаться в памяти красивым, сильным, молодым.

Нет, я выбрал путь труднее. Я старел, седел, ушел из ежедневного употребления. Я отдал все, чтоб только посмотреть газеты: "спонсоры", "помады", "памперсы", "суд присяжных"... То, что увидел, повидав.

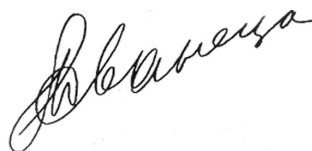
А этот вопль — "Я не хочу быть стариком!"? Ну, что ж, стой в очередях советской власти, ищи еду, лекарство, отсиди за анекдот.

Ты был на минном поле. Проскочил. Все позади. О, Господи, прости на самом деле, извини, я серьезно — прости! Я забираю крик обратно, я прошу там наверху не обижаться. "Дай мне обратно!" "Дай сюда!" "Дай сюда!"

Есть разница?

Тогда я был специалистом. В той жизни мы на равных и кто кого когда имел. Сейчас смотрю, пишу, перемещаюсь, но не лезу в жизнь. Поглаживаю по головке тех идиотов, кричащих моим голосом "Я не хочу быть стариком!".

Успокойся — и не надо.

"Война и мир" Михаила Жванецкого

Отовсюду слышу: он не писатель! Феномен, да, но не писатель! Почему не писатель? Отвечают: потому что я читать его не могу! Глазами по строчкам читать — не могу! Мешает авторская интонация.

За что боролись — на то и напоролись. Слава настигла героя с неожиданной стороны. И памятник ему должен стоять только так: фертом, на эстраде, с рассыпающимся текстом в руках. И мы будем слушать знакомые тексты — в записи или, кому повезет, вживую. С настроением посмеяться.

Интересно получается: смех отключает мысль. Сочувствие, сопереживание, второй и третий план он отключает. "Зачем... напрягаться, раскусывать намеки — это уже будет не отдых, это уже будет не воскресенье". Жванецкого воспринимают как воскресенье — а он, наоборот, сугубый понедельник.

Автор пробует бороться с этим несоответствием, робко намекая на "шутки, вызывающие улыбку сострадания". И даже не робко намекает, а прямо говорит: "Теперь, слава Богу, даже самый зубастый сатирик в полной безопасности. Зритель правильно понимает его и свою задачу и настраивается на веселый лад. Смеются все. Смеется и тот, в кого вы пустили свой жуткий заряд". Вот ты, в третьем ряду, по центру, ощупай себя, — не ранен? Однако животы уже трясутся, и раскрытые рты извергают разнообразные звуки, объединяемые словом "хохот". А для чтения мы возьмем с полки эпопею — "Войну и мир".

Я читаю собрание произведений Жванецкого, как четыре тома "Войны и мира". Только у Льва Николаевича я "войну" пропускала, — а у Михаила Михайловича война как раз самое интересное. Или не так: нет четкого разграничения между войной и миром, вся жизнь — театр. Военных действий. Автор справедливо опасается, что в хохоте зрительного зала утонут разрывы мин и стоны тех, кто подорвался, и позволяет себе высказаться прямым текстом: наш человек "так помнит войну, что уже не представляет себе жизни мирной".

Среди тех, кто "в драке не выручит — в войне победит", мыкается главный герой Жванецкого — капитан Тушин. Одинокий интеллигент, ведущий свою войну на забытой всеми батарее. С кем война? Перечислять долго, портреты "врагов" — визитная карточка Жванецкого номер один. По этим портретам и узнаваем. Склонясь над картой фронта (Первого